

НОВГОРОДОВ ИННОКЕНТИЙ НИКОЛАЕВИЧ

**ЯКУТСКО-ЭВЕНКИЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ
ВЗАИМОСВЯЗИ**

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (якутский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Работа выполнена на кафедре тюркской филологии Института стран Азии и Африки Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

Научный консультант:

доктор филологических наук,
профессор

Щербак Александр Михайлович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор

Ганиев Фуат Ашрафович (г. Казань)

доктор филологических наук

Иванов Спиридон Алексеевич (г. Якутск)

доктор филологических наук,
профессор

Егоров Николай Иванович (г. Чебоксары)

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова

Защита состоится «8» апреля 2010 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.12 при Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина по адресу: 420008, г.Казань, ул. Кремлевская д.18. ауд. 1113

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина.

Автореферат разослан «18» декабря 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Юсупова А.Ш.

В реферируемой работе подвергнуты комплексному анализу якутско-эвенкийские языковые взаимосвязи.

Актуальность темы. Одним из источников возникновения инноваций в языковой системе является иноязычное влияние. Практически невозможно найти язык, который не был бы вовлечен в процесс межъязыкового взаимодействия. Не являются исключением в этом отношении и языки, включаемые в семью алтайских языков.

Изучение лексических и других межъязыковых параллелей между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками представляет особую актуальность. Очевидно, что совпадения, которые обнаруживаются в разных языках и охватывают большое количество слов, не случайны. Они могли появиться в результате взаимных или односторонних заимствований или вследствие того, что языки, в которых обнаруживаются такие совпадения, восходят к одной языковой традиции, имеют общего предка ¹.

В связи с этим для изучения лексических параллелей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков предлагаются различные подходы ². Подчеркнем, что задачи сравнительно-исторического изучения лексики требуют строгого разграничения в ней словарного материала, восходящего к праязыковому состоянию, с одной стороны, и лексических заимствований, с другой ³.

Таким образом, независимо от принципиального отношения к вопросу о природе алтайской языковой общности – исследование целесообразно начинать с определения объёма и характера лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков с последующим выделением заимствований и всесторонней оценкой соотношения сходных и различающихся слов ⁴. Иными словами, выделение заимствованной лексики –

¹ Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970. – С. 14.

² Суник О.П. Проблема общности алтайских языков // Проблема общности алтайских языков / Под ред О.П.Суника. – Л.: Наука, 1971. – С. 15; Щербак А.М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. – 1966. – № 3. – С. 23.

³ Новикова К.А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков / Под ред. В.И.Цинциус. – Л.: Наука, 1972. – С. 105.

⁴ Щербак А.М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. – 1966. – № 3. – С. 23.

первоочередная задача, постановка и решение которой способствует прогрессу сравнительно-исторических исследований.

Если взаимодействие тюркских и монгольских языков, с одной стороны, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков - с другой, находит более или менее полное отражение в специальной литературе, то взаимовлияние тюркских и тунгусо-маньчжурских языков всё еще остается недостаточно изученным.

Говоря о взаимодействии тюркских и тунгусо-маньчжурских языков, обычно имеют в виду взаимодействие якутского, эвенского и эвенкийского языков в условиях билингвизма и многоязычия на территории современной Якутии. Между тем, взаимодействие якутского и эвенкийского языков происходит и на смежных территориях: Читинская, Амурская области, Хабаровский край, Красноярский край (Эвенкия, Таймыр), причем взаимодействие на смежных территориях еще не было предметом специального исследования. Кроме того, контакты якутского и эвенкийского языков не изучались в сравнительном плане. В данном случае заслуживает внимания гипотеза Е.И. Убрятовой об эвенкийском субстрате в формировании якутов и их языка ⁵. Эти обстоятельства предопределили выбор темы.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, приведем краткие сведения об изучаемых языках и их носителях

Якутский язык – язык якутов (самоназвание *саха*) распространен, главным образом, в Якутии (субъект России), где он является государственным языком, а также и на сопредельных с Якутией территориях Сибири – среди якутов (*саха*), проживающих в Таймырском автономном округе, Эвенкии, Хабаровском крае, в Магаданской, Амурской, Иркутской и Читинской областях. На якутском языке говорит значительная часть эвенков, эвенов, им владеют русские старожилы и другие народы, живущие совместно с якутами в Якутии. По результатам последней переписи населения России, насчитывается 443.852 якута, из них якутским языком владеет 413.602 чел. Эвенкийским языком в Якутии владеет 93 якута (www.perepis2002.ru). 376.439 якута в Якутии владеет русским языком – государственным языком Российской Федерации.

⁵ Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. – М.: Наука, 1960. – С. 11, 12).

Эвенкийский язык распространен, в основном, в Сибири, на территориях Эвенкии, Таймыра, Бурятии, Якутии, Сахалина, Иркутской, Томской, Читинской, Амурской областей и Красноярского края. Всего в России проживает 35.527 эвенков (www.perepis2002.ru). Имеются сведения о том, что в Китае проживает 19.000 эвенков, в Монголии – 1000.

В Якутии проживает 18.232 эвенка. Из них эвенкийским языком владеет 1.384, якутским языком – 15.428 (www.perepis2002.ru). Абсолютное большинство эвенков Якутии (16.241 чел.) владеет русским языком – государственным языком России.

Предметом сравнительного исследования обычно выступает фонетика, морфология и лексика языка.

Основным **объектом** исследования выступают сходства, обнаруживаемые в фонетике, морфологии и лексике якутского и эвенкийского языков.

Целью данной работы является установление последствий взаимодействия якутского языка с эвенкийским в сравнительном плане и раскрытие истории проникновения лексических элементов из одного языка в другой.

Достижение поставленной цели исследования предполагает постановку и решение следующих задач:

I. Выявить последствия эвенкийского влияния на якутский язык в сравнительном плане:

1. В связи с гипотезой об эвенкийском субстрате в формировании якутов и их языка рассмотреть:

- а) основные вопросы сравнительного изучения якутского языка;
- б) соотношение генетических данных якутов и эвенков;

2. Изучить влияние эвенкийского языка на фонетику якутского;

3. Изучить влияние эвенкийского языка на морфологию якутского;

4. Изучить влияние эвенкийского языка на лексику якутского.

II. Выявить последствия якутского влияния на лексику эвенкийского языка:

1. Установить систему признаков якутских заимствований в эвенкийском языке;

2. Рассмотреть адаптацию лексических якутизмов средствами эвенкийского языка.

Методы исследования традиционные: сравнительный, ареальный и типологический.

Сравнительный метод исследования является основным и используется самым фактом существования генетического родства языков.

Предпосылки использования ареального метода – языковые контакты и конвергенция.

Обращение к типологическому методу предопределено существованием в изучаемых языках сходств, происхождение которых не связано ни с родством, ни с контактами. Сходства в различных языках возникают вследствие действия универсальных фонетических явлений, например ослабления начала слова, ослабления артикуляции согласных между гласными, различных дивергентных фонетических изменений, приводящих к случайным совпадениям в разных языках. Известно, что сходства в разных языках обнаруживаются и в связи с изменением их морфологического типа.

В исследовании используется процедура установления заимствованного/исконного характера слова в контактирующих языках.

В обсуждении гипотезы об эвенкийском субстрате в формировании якутов и их языка применен лингвогенетический подход. Суть данного подхода заключается в соотнесении генетической и языковой классификаций. В некоторых случаях наблюдаются несоответствия, тот или иной язык является привнесенным в данный народ ⁶. Следует отметить, что генетические данные о прошлом человека не изменяются и остаются постоянными, в отличие от культурного и антропологического типа, который может меняться.

Новизна работы состоит в том, что впервые сходства, обнаруживаемые в якутском и эвенкийском языках, изучаются с позиции теории контактов, а не с точки зрения их генетического родства. Собраны и проанализированы в сравнительном плане как якутские заимствования в эвенкийском языке, так и наоборот. Изучено влияние эвенкийского языка на фонетику и морфологию якутского. Кроме того, осуществлен лингвогенетический подход в изучении взаимосвязей якутов и эвенков.

Теоретическое значение. Лингвогенетический подход позволяет более точно выявить характер связей контактирующих языков и проливает свет на

⁶ Комри Б. Язык и доистория: к многодисциплинарному подходу // Вопросы языкознания. – 2000. – №5. – С. 28-31.

доисторию народа, не имеющего ранних письменных памятников. На основе изучения контактов определены размеры и границы взаимопроникновения якутского и эвенкийского языков. Учет этих данных будет иметь определенное значение для теоретических исследований и позволит, в частности, сформировать более четкое представление о последствиях языковых контактов, об условиях, благоприятствующих заимствованию слов и морфологических элементов, и о степени проницаемости различных ярусов языка.

В практическом плане материалы и основные положения диссертации могут быть использованы при изучении якутского (тюркского) языка в сравнительном плане, изучении словарного состава якутского и эвенкийского языков, в освещении истории якутского и эвенкийского языков.

В качестве **источников** использовались различные тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские словари и специальные исследования (С. Калужинского, Г. Дёрфера, А.М. Щербака, В.И. Рассадина и др.), а также авторские полевые материалы научных командировок: в Хабаровский край (1987, 1989 г.), Амурскую область (1988 г.), Читинскую область (1988 г.), Республику Бурятия (1990 г.), Тыву (2003 г.), Оленекский, Олекминский, Намский, Усть-Алданский, Среднеколымский районы Якутии (1992, 1993, 1999, 2003 гг.), Эвенкию (2000, 2003 гг.), на Таймыр (2007 г.).

Положения выносимые на защиту:

1. Отсутствие эвенкийского субстрата в формировании якутов и их языка.
2. Якутско-эвенкийские языковые контакты начинаются после 14 века на территории современной Якутии.
3. Влияние эвенкийского языка обнаруживается в фонетике, морфологии и лексике якутского языка и его говорах.
4. Влияние якутского языка обнаруживается в лексике эвенкийского языка и его говорах.

По техническим причинам написание эвенкийских слов и слов из других языков якутизировано, например долгие эвенкийские гласные обозначаются двумя гласными буквами. Данная традиция в якутском языкознании заложена авторами «Грамматики современного якутского литературного языка» (М., 1982).

Апробация работы. Результаты исследования докладывались на региональных, межрегиональных и международных научных конференциях: научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.А.

Новгородова (г. Якутск, 1992 г.), международной научной конференции «Языки, культура и будущее народов Арктики» (г. Якутск, 1993 г.), международном конгрессе тюркологов (г. Уфа, 1997 г.), международной научной конференции «Россия и Польша: историко-культурные контакты (сибирский феномен)» (г. Якутск, 1999 г.), тюркологической конференции в рамках программы «Год Казахстана в России» (г. Санкт-Петербург, 2003 г.), международном семинаре «Loanword Typology (Типология заимствования)» (г. Лейпциг, 2005 г. Германия), международной научной конференции «Польша в истории и культуре народов Сибири» (Якутск, 2008), международной научной конференции «Россия и Германия: исторический опыт научного сотрудничества в Сибири и на Дальнем Востоке (к 300-летию Г.В. Стеллера)» (Якутск, 2009). Также результаты исследования оформлены в виде 9 научных статей, входящих в перечень ВАК и 2 монографий.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух частей, заключения, литературы, сокращений и двух приложений: словарь эвенкизмов якутского языка; словарь якутизмов эвенкийского языка, объём работы – 582 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность и научная новизна темы, дается анализ источников и литературы, формулируются предмет, объект, цель, задачи и методы исследования, указывается теоретическое и практическое значение проекта, формулируются положения, выносимые на защиту, а также содержатся сведения об апробации диссертации.

Часть I. «Влияние эвенкийского языка на якутский язык».

В главе 1 «Некоторые вопросы сравнительного изучения якутского языка» рассматриваются вопросы классификации якутского языка, приводятся результаты сотрудничества лингвистов и генетиков в рамках лингвогенетического исследования.

Так, автором диссертации был собран генетический материал по якутам из Намского и Усть-Алданского районов Якутии (регион междуречья рр. Лена и Алдан), эвенкам из региона р. Подкаменная Тунгуска (Эвенкия), тувинцам из различных районов Республики Тыва (верховье р. Енисей).

С лингвистической точки зрения генетический материал собирался у не родственных мужчин: по якутам у представителей центральных акающих говоров якутского языка (41 анализ); по эвенкам - у представителей южного наречия (40 анализов); по тувинцам - у представителей родов Кара-Сал и

Тумат, имеющих параллели у якутских родов Тумат, и вероятно, Харасагыл, а также различных родов, например, Кыргыс, Иргит, Монгуш и др. (61 анализ).

Другие коллеги представили анализы также по якутам, эвенкам и юкагирам.

Изучение вопроса характера связей якутов и эвенков с позиций генетики (анализ Y хромосомы и mtDNA) выявило, что они не имеют прямого генетического родства ⁷.

Генетический анализ показал, что у подавляющего большинства мужчин-эвенков (70 %) наблюдается генетическая мутация M-86 (гаплогруппа C), которая заметно отличается от генетической мутации Tat-C (N3) (гаплогруппа N), обнаруженной у подавляющего большинства мужчин-якутов (94 %), причем N3 отсутствует у эвенков из региона р. Подкаменная Тунгуска ⁸. Аналогичные результаты получены и в более поздних исследованиях ⁹.

Заметим, что мутация M-86 широко представлена у центральных (50 %) и восточных (61.3 %) мужчин-эвенков, что позволяет объединить эвенков и эвенков с позиций генетики ¹⁰. Генетические мутации у женщин-якуток разнообразны, и в некоторых случаях, возможно, они имеют общее с мутациями женщин-эвенкиек и тюркскоязычных женщин Южной Сибири, особенно в гаплогруппе C. Таким образом, возможно, женщины являются проводником общих генетических мутаций у якутов и эвенков.

На наш взгляд, происхождение якутского языка и культуры не связано с распространением тюркского языка и культуры в среде генетических эвенков. Иными словами, эвенки не явились субстратом якутов и у эвенков не наблюдался языковой и культурный сдвиг, обусловленный тюркским (якутским) влиянием, который, с точки зрения некоторых ученых, и привел к

⁷ Pakendorf, B.; Novgorodov, I.N.; Osakovskij, V.L.; Danilova, A.P.; Protod'jakonov, A.P.; Stoneking, M. (2006): Investigating the effects of prehistoric migrations in Siberia: genetic variation and the origins of Yakuts // *Human Genetics*. 120 : P. 348; Новгородов И.Н. О гипотезе языкового сдвига у эвенков при формировании якутского языка // *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. – 2009. – № 1. – С. 98-104.

⁸ Pakendorf, B.; Novgorodov, I.N.; Osakovskij, V.L.; Danilova, A.P.; Protod'jakonov, A.P.; Stoneking, M. (2006): Investigating the effects of prehistoric migrations in Siberia: genetic variation and the origins of Yakuts // *Human Genetics*. 120 : 334-353.

⁹ Федорова С.А. Генетические портреты народов Республики Саха (Якутия): анализ линий митохондриальной ДНК и Y – хромосомы. – Якутск: изд-во ЯНЦ СО РАН, 2008. – С. 175, 179.

¹⁰ Pakendorf, B.; Novgorodov, I.N.; Osakovskij, V.L.; Stoneking, M. (2007): Mating patterns amongst siberian reindeer herders: inferences from mtDNA and Y-chromosomal analyses // *American Journal of Physical Anthropology* 133 : 1013-1027.

формированию якутов ¹¹.

Якуты и эвенки, в основном, сохраняют свой язык и культуру в настоящее время, речь не идет об ассимиляции одного народа другим.

Гипотеза Е.И. Убрятовой об эвенкийском субстрате в формировании якутов и их языка не находит подтверждения по генетическим данным.

Таким образом, мы приходим к важному выводу, что сходства, обнаруживаемые в якутском и эвенкийском языках возникли, в основном, на базе адстрата, а не субстрата, как ранее предполагала Е.И. Убрятова. На мой взгляд, якутско-эвенкийские языковые взаимосвязи происходили, в основном, на базе адстрата.

В последующем изложении, вниманию читателя представлен анализ якутско-эвенкийских сходств в фонетике, морфологии и лексике.

Генетические данные проливают свет и на происхождение якутов.

С нашей точки зрения, якуты мигрировали в Якутию из южных регионов довольно компактной массой ¹².

В связи с новыми подходами к изучению тюркских, тунгусо-маньчжурских и других народов необходимо осветить некоторые вопросы относительной хронологии их развития, а также временной глубины изучения языка.

Для гаплогруппы N датировали расширение/экспансию как 12-14 тыс. лет тому назад, а возраст N3 (включающий в себя Tat) на 4-12 тыс. лет тому назад ¹³. В настоящее время неизвестно время расширения/экспансии гаплогруппы C (включающий в себя M-86).

Говоря о временной глубине изучения языка, следует отметить, что мы можем знать в большей степени о языках периода развития наций, когда

¹¹ Pakendorf B., Novgorodov I. Loanwords in Sakha (Yakut), a Turkic language of Siberia // Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook. Haspelmath, Martin & Tadmor, Uri (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 496-524; Новгородов И.Н. О гипотезе языкового сдвига у эвенков при формировании якутского языка // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2009. – № 1. – С. 98-104.

¹² Pakendorf, B.; Novgorodov, I.N.; Osakovskij, V.L.; Danilova, A.P.; Protod'jakonov, A.P.; Stoneking, M. (2006): Investigating the effects of prehistoric migrations in Siberia: genetic variation and the origins of Yakuts // Human Genetics. 120 :P. 349.

¹³ Rootsi, S., L.A. Zhivotovsky, M. Baldovic, M. Kayser, I.A. Kutuev, R. Khusainova, M.A. Bermisheva, M. Gubina, S. Fedorova, A.M. Ilumäe, E.K. Khusnutdinova, M. I. Voevoda, L.P. Osipova, M. Stoneking, A.A. Lin, V. Ferak, J. Parik, T. Kivisild, P.A. Underhill, and R. Villems. 2006. A counter-clockwise northern route of the Y-chromosome haplogroup N from southeast Asia towards Europe // European Journal of Human Genetics advance online publication, 6 December 2006; doi: 10.1038/sj.ejhg.5201748, см. тоже European Journal of Human Genetics. – 2007. 15 : 204-211.

возникла наука о языке, меньше – о языках периода формирования народностей, где важным материалом служат письменные памятники, еще меньше – о реальных чертах родо-племенных языков. О первобытных языках могут быть высказаны лишь более или менее вероятные гипотезы. Происхождение языка научно нельзя доказать, а можно только строить более или менее вероятные гипотезы ¹⁴.

В современном языкознании относительно временной глубины изучения языков отразилась точка зрения, согласно которой, применение сравнительного метода для целей исторического языкознания ограничивается относительно небольшим временным периодом, например, реконструкция языков на уровне 5–6 тыс. до н. э. вызывает сомнения; сверхдальние реконструкции при самых благоприятных обстоятельствах далеки от точного отражения реальной языковой действительности и, по существу, недостоверны ¹⁵.

С учетом вышеприведенных данных по изучению связей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков нам более обоснованными представляются труды, согласно которым, алтайская гипотеза подвергается сомнению: характер связей между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками до сих пор остаётся не ясным ¹⁶, и единство «урало-алтайских» языков является крайне проблематичным ¹⁷.

Указанные положения, применительно к данному исследованию, создают предпосылки использования модели пратюркского языка А.М. Щербака в изучении материалов якутского языка и модели пратунгусо-маньчжурского языка И. Бенцинга – эвенкийского языка.

Глава 2 «Влияние эвенкийского языка на фонетику якутского».

Система гласных якутского языка состоит из 20 фонем: кратких *a, o, э, и, у, ы, ө, ү*, долгих *aa, oo, ээ, ии, уу, ыы, өө, үү* и дифтонгов *ya, yo, иэ, үө* ¹⁸.

Якутская система гласных восходит к системе гласных тюркского

¹⁴ Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М., 1960. – С. 370-371.

¹⁵ Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – СПб.: Наука, 1994. – С. 150.

¹⁶ Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970. – С. 12.

¹⁷ Benzing J. Die Tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. – Wiesbaden, 1955. – S. 7.

¹⁸ Грамматика современного якутского литературного языка. – М.: Наука, 1982. – С. 41.

праязыка и сохраняет первичную долготу гласных.

На основе изучения системы гласных якутского языка, с точки зрения противопоставления широких и узких, долгих и кратких, твердоядных и мягкорядных, огубленных и неогубленных гласных, а также монофтонгов и дифтонгов, например в односложном слове, первом и непервом слогах, диссертант приходит к выводу о том, что эвенкийский язык не оказал существенного влияния на якутский вокализм.

Здесь же следует указать, что на якутское ударение эвенкийский язык также не оказал влияния.

Якутская система согласных состоит из 20 фонем. Многочленная оппозиция по основному активному органу представлена: губными *б, п, м*, переднеязычными *д, т, н, с, л, р*, среднеязычными *дь, ч, нь, й, j*, заднеязычными *г, к, ҕ*, увулярными *х, ҕ*, фарингальным *һ*¹⁹.

Рассматриваются различные точки зрения об эвенкийском языковом влиянии на систему якутских согласных в начале, конце и середине слова.

Например, пратюркская фонетическая система в анлауте односложных слов преобразовалась в якутском языке в виде²⁰ (Щербак 1970 : 172-173):

*тюрк. *ʁ* > як. *с*

*тюрк. *с* > як. *о*

*тюрк. *п* > як. *б*

*тюрк. *т* > як. *т*

*тюрк. *к*:

к > як. *х*

к > як. *к*

*тюрк. *ч* > як. *с*.

Согласно приведенным данным, в начале слова исконными фонемами якутского языка являются: *с, б, т, к, х*. Вместе с тем в начале якутских слов обнаруживаются слова с согласными: *л, н, м, д, ч, дь, нь, п, г, һ*.

Следовательно, мы вправе ожидать иноязычные инновации среди начальных согласных: *л, н, м, д, ч, дь, нь*.

Следует отметить, что в якутском языке начальный *с*- ослабляется в фарингальный *һ*-, а также довольно редко употребляются согласные *п, г*.

¹⁹ Грамматика современного якутского литературного языка. – М.: Наука, 1982. – С. 54.

²⁰ Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970. – С. 171, 173.

Пратюркский глухой, зубноязычный, щелевой согласный *ʁ в начале слов отразился в якутском языке в виде щелевого, переднеязычного, глухого с:

*тюрк. *ʁаа* ‘лук’ // як. *саа* ‘лук’, чув. *с’у*: *укс’у*, *окс’у* ‘шерстобитный лук’, тув. *ча* ‘лук’;

*тюрк. *ʁаай* ‘лето’ // як. *сай* ‘лук’, чув. *с’у*, тув. *чай* ‘лето’.

Процессы аффрикатизации с последующим ослаблением артикуляции, по-видимому, обнаруживаются и в случаях, когда на месте пратюркского *ʁ выступает ряд ч- - дь- - нь- в якутском языке, например:

чаалбаан, *дьаалбаан*, *ньяалбаан*, *ньалбан* (< **чалбаан* < **салбаан* < **салбаган* < **салбай*-) ‘жесть, листовое железо’ (> эвен. *ньяалбаан*, эвенк. *чалбан*, *салбан*, *ньяалбаан* > нег. *чалбан*, *ньалбан*) < *ньалбай*- ‘широко расплющиваться’ (< **дьалбай*- < **чалбай*- < **салбай*- ‘расплющиваться’), ср. др.-тюрк. *йалбы* ‘плоский’, уз. *йалтай*- ‘расплющиться’, тур. *йалым* ‘лезвие, клинок’, каз. *жалман* ‘кончик кинжала’ < *тюрк. *ʁал*- ‘быть гладким, голым’.

Процессы озвончения ч- в дь- и последующего ослабления дь- в нь- подтверждаются монголизмами, например:

як. *чэңкир*, *дьэңкир* ‘прозрачный’ < монг.: м.-п. *чэңкир* ‘беловатый’.

Ослабление с последующим озвончением или сонантизацией, является общей тенденцией в тюркских языках за пределами Сибири и Алтая в развитии архетипа *ʁ.

Кроме того, необходимо отметить и комбинаторные условия отражения архетипа *ʁ в виде якутского нь- в тех случаях, когда в словах имеются последующие носовые согласные: *чаалбаан*, *дьаалбаан*, *ньяалбаан* ‘жесть, листовое железо’.

По-видимому, дивергенция по способу образования, вызванная неопределенностью преграды, пратюркского архетипа *ʁ привела к образованию в конечном итоге чередования с- и ч- в якутском языке. Далее процесс озвончения, вызванный ослаблением артикуляции, активизировал процесс перехода аффрикаты ч- в дь- и развитие начальной звонкой аффрикаты дь- в звук нь- в якутском языке вследствие последующего ассимилятивного воздействия носовых согласных, как и в других тюркских языках.

С учетом данных замечаний приведем примеры по развитию начальных ч-, дь- и нь- в якутском языке среди заимствований из эвенкийского языка:

як. *чаамык* ‘зверек тарбаган, каменный или алтайский сурок’; эвенк. *чамукчан* ‘мышь’;

як. *чыңырыкаан* ‘мышь’; эвенк. *чиңирикээн*;

як. *дьугдур* ‘вершина (горы)’; эвенк. *дьугду* ‘водораздел (покрытый гольцами)’;

як. *дьуккаак* ‘квартирант’; эвенк. *дьуулгаак* ‘сожитель (по юрте, чуму)’;

як. *ньалыкта* ‘боярышник’; эвенк. *ньаликта* ‘багульник’, ‘азалия’;

як. *ньоугу* ‘возжи (оленьей упряжи)’; эвенк. *ньоогуу*.

Пратюркский смычный, переднеязычный, глухой согласный **m*- в якутском языке в начале слов сохраняется:

*тюрк. *тай* ‘жеребенок по второму году’ // як. *тый* ‘жеребенок по второму году’, чув. *тиха* ‘жеребенок’;

*тюрк. *таал* ‘тальник’ // як. *талах* ‘тальник’, ‘тальниковый’.

В якутском языке выявляются процессы озвончения согласного *m*- в *д*-:

*тюрк. *тээ-* ‘говорить’ // як. *диэ-* ‘говорить или внушать кому что, сказывать, молвить, спрашивать что или отвечать на вопрос, откликаться’, чув. *те-* ‘говорить’, ‘сказать’;

*тюрк. *тэриң* ‘глубокий’ // як. *дириң*.

С учетом вышесказанного приведем примеры заимствований из эвенкийского языка, иллюстрирующие развитие начального *д*- в якутском языке:

як. *далыс* ‘род передника, закрывающего промежуток между бортами платья (тунгусского), которые не сходятся или сходятся с великим трудом’; эвенк. *далис* ‘пола (кафтана)’, ‘кафтан, куртка’;

як. *даганньах* ‘бедренная кость’; эвенк. *даганья* ‘бедро’.

Пратюркский смычный, губной, глухой согласный **n*- отразился в начале слова в якутском языке в виде смычного, губно-губного, звонкого согласного *б*-:

*тюрк. *пар-* ‘идти’ // як. *бар-* ‘пойти туда, отправляться куда’, чув. *пыр-* ‘идти’, ‘ехать’;

*тюрк. *пул-* ‘находить, обнаруживать’ // як. *бул-*.

Перед последующим сонантом в якутском языке прослеживается ослабление начального *б*- (<**n*-) в *м*-:

*тюрк. *пуң* ‘печаль’, ‘грусть’ // як. *муң* ‘мучение’, ср. др.-тюрк. *буң* ‘печаль, скорбь, страдание’;

*тюрк. *поой* (~*поој*) ‘шея’ // як. *моой*, чув. *май*, ср. др.-тюрк. *бойун*.

Развитие начального якутского согласного *м*- связано с комбинаторными условиями в собственно тюркских словах якутского языка. Заимствования из монгольских языков (монг. *м* > як. *м*) и эвенкийского языка способствовали дальнейшему развитию этого звука в якутском языке. С точки зрения выявления эвенкизмов среди якутско-эвенкийских параллелей заметим, что если якутские слова с начальным *м*- не обнаруживают параллелей в других тюркских языках, то мы вправе отнести их к заимствованному фонду, примеры:

як. *маамыкта* ‘длинная веревка для ловли лошадей и оленей’; эвенк. *маавукта* ‘аркан’;

як. *маар* ‘мшарь, мшина, моховое кочковатое болото’; эвенк. *мар* ‘болото (торфяное)’.

В пратюркском языке в начале слова отсутствовали сонанты, и обнаружение их, в частности *л*- и *н*-, в начале слова свидетельствует об иноязычном влиянии на якутский язык:

як. *лабыкта* ‘белый мох, олений мох, ягель’; эвенк. *лавикта*, *лабикта*, *лавукта* ‘ягель (олений корм)’;

як. *лаабычан* ‘верхушка тонкого сучка у молодой лиственницы’, ‘оконечность рыбьего хвоста’; эвенк. *лаапчаа* ‘хвост рыбы’, ‘плавники рыбы’;

як. *налба* ‘готовый плетень из молодых лиственниц, березок или ерника, служащий для перегораживания реки с целью задержания рыбы, с отверстием, в которое вкладывается верша’; эвенк. *налба* ‘морда ловушка (сплетенная из тонких очищенных прутьев)’;

як. *наамын* ‘вдова’; эвенк. *наавуун* ‘вдова, вдовец’.

Автор работы приходит к выводу о том, что эвенкийское языковое влияние на систему якутских согласных обнаруживается в увеличении использования слов с начальными аффрикатами *ч*, *дь*, начальными звонкими согласными *д*, *нь*, *м*, которые не были чужды фонетике якутского языка домонгольского влияния. Также эвенкийское языковое влияние прослеживается в увеличении использования слов с начальными согласными *л*-, *н*-, которые развились после монгольского языкового влияния в средние века. Например, данная категория слов увеличила фонологическую ёмкость назальности/неназальности в начале слова в якутском языке: *далба* ‘порог’ (< эвенк. *далба* ‘место в чуме около

входа') // *налба* 'готовый плетень, служащий для перегораживания реки с целью задержания рыбы' (< эвенк. *налба* 'морда ловушка').

Эвенкийское языковое влияние на систему якутских согласных в конце и середине слова не обнаруживается.

В главе 3 «Влияние эвенкийского языка на морфологию якутского» рассматриваются вопросы влияния на элементарные и комплексные морфологические единицы.

Эвенкийское влияние на морфологию якутского языка заключается в заимствовании словообразовательных аффиксов.

Образование имен от имен.

Аффикс *-ыйа* обнаруживается в составе заимствованных из эвенкийского языка словоформ, например: як. *икээбийэ* 'сумка из шкур или лапок оленя'; эвенк. *икээвйэ*, *икээгйэ* 'сумка (для котла, посуды, вьючная)', 'ящик (для посуды)' < т.-ма.: эвенк. *иикээг* < т.-ма.: эвенк., нан. *икэ* 'котел'. Данный аффикс образует имена со значением уменьшительности в якутском языке от собственно якутских основ, например: *көлүйэ* 'озерко' (*күөл* 'озеро'). В тунгусо-маньчжурском материале обнаруживается аффикс *-йа*, образующий имена от имен: эвен. *мункийэ* 'гнилой' < *мункъ* 'размягший' < *мун-*, ср. эвенк. *муниш-* 'гнить'.

Аффиксы *-каан*, *-чаан* также образуют имена со значением уменьшительности в якутском языке от собственно якутских основ, например: *хатыңчаан* 'берёзонька' (*хатың* 'берёза'), *кырачаан* 'маленький' (*кыра* 'малый'), ср. эвенкийский аффикс *-каан*, *-чаан*.

Аффикс *-ндьа* образует имена со значением увеличительности в якутском языке от собственно якутских основ, например: як. *улахандьаа* 'очень большой' от *улахан* 'большой', ср. др.-тюрк. *улуг*; як. *табандьа* 'большой олень' от як. *таба* 'олень', ср. др.-тюрк. *тэбэ* 'верблюд'.

Образование имен от глаголов.

Аффикс *-кы* (*-ки*) образует имена от имен и глаголов в якутском языке, например: *сааскы* (*саас* 'весна') 'весенний', *кыһыңны* (*кыһын* 'зима') 'зимний', *аныгы* (*аны* 'ныне, теперь') 'нынешний, современный'; *бастакы* (*бастаа-* 'начинать первым, быть первым') 'первый, передний', *чэпчэки* (*чэпчээ-* 'терять в весе') 'легкий'. Аффикс *-кы*, образующий имена от имен, восходит к тюркскому промежуточному аффиксу *-кы*. Аффикс *-кы* стал присоединяться к глагольным основам якутского языка вследствие

эвенкийского влияния - в эвенкийском языке обнаруживается аффикс *-кии*, образующий имена от глаголов, например: эвенк. *туксакии* 'заяц' от *тукса* 'бежать'.

Влияние эвенкийского языка обнаруживается в именном словоизменении.

С влиянием эвенкийского языка связывают утрату тюркского родительного падежа и развитие неопределенно винительного значения в частном падеже в якутском языке.

Так, в эвенкийском языке, согласно мнения ряда ученых отсутствует родительный падеж, и поэтому не исключено, что именно этот язык повлиял на исчезновение в якутском языке родительного падежа. А.М. Щербак отмечает, что выделение родительного падежа в якутском языке из изафетных конструкций *аҕатын өтөгө* 'усадьба его отца' явно неудачно ²¹. Г.М. Василевич обнаруживает родительный падеж в эвенкийском языке: аффикс *-нгии* ²². И. Бенцинг считает, что аффикс *-нгии* является отыменным прилагательным. То есть, с точки зрения И. Бенцинга, по существу, в тунгусо-маньчжурских языках нет категории родительного падежа, а есть категория принадлежности отыменных прилагательных ²³. О.А. Константинова имена с аффиксом *-нгии* относит к категории притяжательных форм ²⁴. Не обнаруживает родительный падеж и В.И. Цинциус ²⁵. Так как родительный падеж не обнаруживается в эвенкийском языке, то, скорее всего, этот язык повлиял на его утрату в якутском языке.

По вопросу развития неопределенно винительного значения в частном падеже А.М. Щербак утверждает: что правильнее, пожалуй, было бы считать прототипом *-та* (якутского частного падежа – И.Н.) аффикс исходного падежа, совпавший в языке памятников рунической письменности с аффиксом местного ²⁶. Причем ссылка даётся на работу Е.И. Убрятовой об эвенкийском влиянии на формирование якутского частного падежа. Но при

²¹ Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). – Л.: Наука, 1977. – С.35.

²² Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – С. 674.

²³ Benzing J. Die Tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. – Wiesbaden, 1955. – S. 90.

²⁴ Константинова О.А. Эвенкийский язык. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 64, 65.

²⁵ Цинциус В.И. Эвенкийский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. – М., 1997. – С. 279.

²⁶ Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). – Л.: Наука, 1977. – С.57, 39.

этом следует учитывать совпадение форм в виде *-та* в исходном и местном падежах, следы последнего обнаруживаются в виде *–тагы* ²⁷. О происхождении якутского частного падежа из исходного и сохранении следов местного падежа в якутском языке пишут и якутские языковеды ²⁸. Таким образом, якутский частный падеж развился из исходного падежа, а не местного. Развитие неопределенно винительного значения в частном падеже, по-видимому, произошло под влиянием винительно-неопределенного падежа, представленного в эвенкийском языке.

Специфика якутско-эвенкийских связей состоит в том, что якутская морфология подверглась незначительному влиянию со стороны эвенкийской морфологии. Если монгольские заимствованные аффиксы представлены в якутском языке значительным количеством (охватывают именную и глагольную системы), то аффиксы эвенкийского происхождения – единичные явления. Если монгольские аффиксы оставили глубокий след в якутской морфологии, т.е. активно представлены в якутском словообразовании, то эвенкийские аффиксы, за редким исключением, в своем подавляющем большинстве обнаруживаются лишь в составе словоформ. Эвенкийское влияние обнаруживается больше в именной системе словообразования и словоизменения, чем в глагольной, например, заимствование отдельных глаголов: як. *аһай-* ‘гнаться’, эвенк. *аса-*; як. *соңоо-* ‘горько плакать’, эвенк. *соңо-* ‘плакать’.

В главе 4 «Эвенкизмы якутского языка» рассматриваются вопросы признаков заимствований и их адаптации.

Известно, что слова в процессе заимствования из одного языка другим подвергаются различным адаптационным изменениям. В основном, заимствования подвергаются фонетическому, морфологическому и лексическому освоению.

В случае с материалом тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков следует рассмотреть и вопросы признаков заимствований, так как существует алтаистический взгляд на происхождение сходств в словоформах этих языков и часто обнаруживаются факты взаимовлияния.

²⁷ Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). – Л.: Наука, 1977. – С.57, 39.

²⁸ Грамматика современного якутского литературного языка. – М.: Наука, 1982. – С. 134-135, 151-152.

Выявление эвенкизмов якутского языка осуществляется на основе фонетических, морфологических, лексико-семантических и лингвогеографических признаков, которые могут быть использованы в комплексе.

Так, на наш взгляд, показательными при выделении фонетических признаков эвенкизмов в якутском языке среди якутско-эвенкийских параллелей являются начальные согласные. Выше приводились данные о преобразовании тюркского консонантного анлаута в якутском языке.

Согласно приведенным данным, мы вправе ожидать заимствования среди слов, начинающихся с согласных: *л, н, м, д, ч, дь, нь*.

Фонетическими признаками эвенкизмов в начале слов якутского языка выступают начальные согласные: *л, н* (см. примеры в разделе о влиянии эвенкийского языка на фонетику якутского).

К числу морфологических признаков относятся различные аффиксальные элементы, которые могут свидетельствовать о заимствовании из эвенкийского языка, например, указанные ранее аффиксы образования имен от имен, например *-ыйа, -каан, -чаан, -ндьа*, которые выступают в составе словоформ, заимствованных из эвенкийского языка. К указанным аффиксам для иллюстрации морфологических признаков можно добавить и некоторые аффиксы образования имен от глаголов. Здесь же нужно сказать, что слова, состоящие из корня и аффикса в эвенкийском языке, в якутском языке становятся в большинстве своем неразложимыми и воспринимаются в виде непроединных основ. Например.

Аффикс *-кта*: например, як. *мучукта* 'хвоя (еловая, лиственничная, сосновая)', эвенк. *мучуктэ* 'хвоя лиственницы', 'почки (на дереве)', 'шишка (еловая, кедровая)' < эвенк. *мучи*- 'зеленеть (лиственнице)'; як. *куйукта* 'личинки оленьего овода', эвенк. *куйиикта* 'личинка овода' < *куйии*- 'проникать'.

Аффикс *-н*: например, як. *ичээн* 'прозревающий будущее, знахарь', эвенк. *ичээн* 'колдун-вещатель', 'шаман-предсказатель' < т.-ма.: эвенк., нег. орооч., ульч., нан. *ичэ*- 'видеть', эвен., орок. *ит*-, сол. *исөө*- 'показаться'; як. *үһүлээн* 'поймка оленя в загоне из веревок, накинутах на деревья', эвенк. *ушилээн* 'занузденный' < *ушилээ*- 'надевать на оленя недоуздок, затягивать ремни', 'набрасывать аркан' < *уши* 'ремень'.

По лексико-семантическим признакам эвенкизмы характерны для реалий, связанных с обозначением северной природы. В самом деле, эта категория слов находится в положении контраста с «южной» лексикой якутского народа, поскольку предки якутов жили в условиях степного юга. Контраст «северной» и «южной» лексики указывает на заимствованный характер первой. Однако выявление эвенкизмов в якутском языке может осуществляться не только с опорой на этот признак. В данном случае речь идет об отношении якутско-эвенкийских параллелей к основному словарному фонду, синонимии и полисемии.

Одним из главных признаков заимствования является отношение якутско-эвенкийских параллелей к основному словарному фонду. Если та или иная параллель не относится к нему, то есть определенные основания считать ее заимствованием. Естественно, что направление заимствования определяется с опорой на другие признаки или комплекс признаков. В данном случае существенно отношение параллелей к основному словарному фонду. Например, заимствованиями могут быть следующие слова, которые вряд ли могут быть отнесены к основному словарю: як. *аабылаан* ‘поросль мелких низких кустарников, трущоба’, эвенк. *авлаан* ‘поляна’, ‘редкий лес’; як. *куула* ‘северный склон’, эвенк. *гула* ‘склон, скат (северный)’.

Известно, что происхождение синонимии связывается с иноязычным влиянием. Отсюда можно сделать вывод, что синонимия слов может указывать в некоторых случаях на заимствованный характер слова. Например: як. *сэли* ‘мамонт’, эвенк. *сэлии*, ср. як. *уу огуһа* ‘мамонт (дословно: водяной бык)’, др.-тюрк. *сув* ‘вода’, *өкүз* ‘бык’; як. *өлөкүү* ‘белка’, эвенк. *улукии*, ср. як. *тииң*, др.-тюрк. *тийиң*.

Семантика слова языка-источника в заимствующем языке, как правило, предельно сужается: многозначное слово выступает в виде однозначного. Отсутствие полисемии служит показателем заимствованного слова. Примеры: як. *оҕо* ‘отвесье на носовой поперечине лодки для подхвата рукой’, эвенк. *оҕо* ‘нос (лодки)’, ‘рога (передние отростки)’, ороч. *хоҕоко* ‘нос лодки’; як. *буона* ‘град’, эвенк. *боона* ‘град’, ‘снежная пыль, снежная крупа’, сол., ороч., орок., ульч., нан. *бооно*, эвен. *боот*, нег. *бокта*, ма. *боно* ‘град’.

Лингвогеографический признак в данной работе учитывается в тех случаях, когда тот или иной язык отделен от основной массы родственных языков значительным пространством или находится в окружении представите-

лей других языковых семейств. Сказанное может быть отнесено и к таким понятиям как говор, группа говоров и диалект. Так как якутский язык находится на значительном отдалении от родственных ему языков в окружении тунгусо-маньчжурских языков, то в нем следует ожидать значительное количество тунгусо-маньчжурских заимствований. В тех случаях, когда речь идет о говоре, группе говоров и диалекте, примером могут служить окраинные якутские говоры, находящиеся за пределами Якутии и непосредственно контактирующие с эвенкийским языком. С учетом этого признака к разряду заимствований относятся следующие слова, которые не обнаруживаются в тюркских языках. Например:

анабы, анамы ‘большой олень или лось’, эвенк. *анам, анаму* ‘лось-бык’, нег. *анам*, ма. *анами* ‘лось (с огромными рогами)’; як. *таахан* ‘бурелом, валежник’, эвенк. ‘дерево (упавшее)’.

Эвенкизмы якутского языка подвергаются фонетической адаптации.

Так, эвенкийским гласным а) в первом и б) в непервых слогах многосложного слова соответствуют, как правило, следующие якутские гласные:

эвенк.	якут.	
	а)	б)
<i>а</i>	<i>а, аа</i>	<i>а, аа</i>
<i>э</i>	<i>э</i>	<i>э</i>
<i>и</i>	<i>и, ии</i>	<i>и</i>
<i>о</i>	<i>о</i>	<i>о, оо</i>
<i>у</i>	<i>у, уу</i>	<i>у</i>
<i>аа</i>	<i>аа, а</i>	<i>аа</i>
<i>ээ</i>	-	<i>ээ, э</i>
<i>ии</i>	<i>ии</i>	<i>ии</i>
<i>оо</i>	<i>уо</i>	<i>оо</i>
<i>уу</i>	<i>уу</i>	<i>уу</i>

Эвенкийский долгий гласный *е* не имеет аналогов в фонетике якутского языка, в основном данная фонема выступает в якутском языке в первом слоге многосложного слова в виде дифтонга *ya*. Отмечаются расхождения в передаче эвенкийских гласных, обусловленные влиянием комбинаторных и позиционных факторов, а также действием закона гармонии гласных якутского языка.

Эвенкийским согласным обычно соответствуют а) в начале слова, б) в середине слова, в) в конце слова следующие якутские согласные:

эвенк.	якут.		
	а)	б)	в)
<i>n</i>	<i>ḡ-</i>	<i>-ḡ-, -nḡ-</i>	-
<i>ḡ</i>	<i>ḡ-</i>	<i>-ḡḡ-</i>	-
<i>ḡ</i>	<i>ḡ-</i>	<i>-ḡ-</i>	
<i>m</i>	<i>m-</i>	<i>-m-</i>	<i>-m</i>
<i>l</i>	<i>l-</i>	<i>-l-</i>	<i>-l</i>
<i>p</i>	-	<i>-p-</i>	<i>-p</i>
<i>n</i>	<i>n-</i>	<i>-n-</i>	<i>-n</i>
<i>c</i>	<i>c- (h-)</i>	<i>-h-</i>	<i>-c</i>
<i>t</i>	<i>t-</i>	<i>-t-</i>	<i>-t</i>
<i>ḡ</i>	<i>ḡ-</i>	<i>-ḡ-</i>	-
<i>ḡ</i>	<i>ḡ-</i>	<i>-ḡ-</i>	-
<i>ḡḡ</i>	<i>ḡḡ-</i>	-	-
<i>nḡ</i>	<i>nḡ-</i>	<i>-nḡ-</i>	-
<i>ḡ</i>	<i>ḡḡ-</i>	<i>-ḡḡ-</i>	<i>-ḡḡ</i>
<i>ḡ</i>	-	<i>-ḡ-</i>	-
<i>k</i>	<i>k-, x-</i>	<i>-k-, -x-</i>	<i>-k, -x</i>
<i>ḡ</i>	<i>k-, ḡ-</i>	<i>-ḡ-, -ḡ -</i>	<i>-k</i>
<i>h</i>	<i>h-</i>	<i>-h-</i>	-

Отмечаются расхождения в передаче эвенкийских согласных, обусловленные влиянием комбинаторных и позиционных факторов.

С точки зрения морфологического освоения эвенкизмов примечательно, что в подавляющем большинстве эвенкизмы якутского языка соответствуют частичечной характеристике языка донора: имена соответствуют именам, глаголы – глаголам.

Большинство эвенкизмов якутского языка представлено именными основами, заметно мало заимствованных глаголов.

Подавляющее большинство эвенкизмов вошло в якутский язык в морфологически неизменном виде. При этом эвенкизмы сохраняют словообразовательную структуру и состав морфем, характерные для языка источника-заимствования. В заимствующем языке происходят некоторые структурные изменения. Аффиксы языка-источника сливаются с основой и

производные слова становятся непроизводными. В большинстве случаев заимствования из эвенкийского в якутском языке представляют собой неразложимые основы.

В некоторых случаях обнаруживается освоение эвенкийских словоформ якутскими аффиксами, в частности аффиксами *-х*, *-л*, *-(ы)йа*, *-н*, образующими имена: як. *даганньах* 'бедренная кость', 'плечевая кость', эвенк. *даганья* 'бедро'; як. *мүкээл* 'короткая оленья доха', эвенк. *мукаа* 'одежда'; як. *бууттайа* 'нож', эвенк. *пурта*; як. *үмнэрин* 'важенка', эвенк. *умнээрии* 'самка оленя'.

В некоторых случаях эвенкийские глаголы в якутском языке подвергаются адаптации и воспринимаются как имена. Так, например: як. *ахтамии* 'холощенный олень', эвенк. *актами-* 'холостить'; як. *буу* 'болезненный', эвенк. *бу-* 'умереть'.

В некоторых глагольных заимствованиях обнаруживается глагольный *-й*-якутского языка, например: як. *аһай-* 'гнаться', эвенк. *аса-*.

В ряде случаев в якутском языке представлена более полная морфологическая форма, чем в эвенкийском языке, например аффикс *-кта*, образующий имена: як. *чукакта* 'целебная трава', эвенк. *чуука* 'трава'; як. *нэлбиктэ* 'дверь, сшитая из мягкой травы и мха', эвенк. *нээлби* 'дверное полотнище палатки'.

Наблюдается опрощение морфологической структуры эвенкийского слова в якутском, например: як. *үңүр* 'вещевая сумка', эвенк. *уньарук* 'чехол для ложек'; як. *лооруо* 'бабочка', эвенк. *лорукии*.

В признаках эвенкийских заимствований якутского языка отмечалось, что их подавляющее количество не относится к основному словарному фонду и характеризуется сужением значения по сравнению с их эвенкийскими аналогами. Эвенкизмы в некоторых случаях также выступают синонимами якутских слов.

Примечательно обнаружение эвенкизмов среди слов, не связанных с конкретными условиями существования народа, например: названия светил: як. *быака* 'месяц, луна', эвенк. *бега*; названия частей тела: як. *иргэ* 'головной мозг', эвенк. *иргэ*; названия стихий: як. *буона* 'град', эвенк. *боона*; части растений: як. *лабаа* 'ветвь, большая ветка, веточка', эвенк. *лаваа* и др.

Данный разряд слов свидетельствует о тесных контактах якутов и эвенков в прошлом и двуязычии якутов. Последствия прошлого двуязычия у

компактной группы якутов отражаются в эвенкизмах, которые обнаруживаются в общеякутском масштабе. Например: як. *дьааңы* ‘голец, голый утес, высокая каменистая гора с обнаженной вершиной’, эвенк. *йаң* ‘сопка-голец (с нетающим снегом на вершине)’; як. *дьуукта* ‘источник’, эвенк. *йууктэ, дьууктэ* ‘ключ, родник’ < т.-ма.: эвенк. *йуу-*, *дьуу-* ‘выходить’, нег. *йуу-* ‘всплывать’;

Распространение якутов из Центральной Якутии в бассейн р. Виллой, а также на северо-запад, северо-восток и юго-восток привело к углублению и расширению контактов с эвенками. Последствия этих контактов обнаруживаются в лексике различных говоров якутского языка.

Данные эвенкизмы якутского языка являются вкраплениями и обнаруживаются в различных тематических группах, связанных с культурой и отражающих особенности освоения северных реалий, например: 1) оленеводство: як. *муойка* ‘годовалый олень’, эвенк. *мойка*; як. *угучах* ‘верховой олень’, эвенк. *угучак* и др.; 2) наименования жилищ и построек: як. *үүтээн* ‘охотничья избушка’, эвенк. *утэн* ‘чум’; як. *һуона* ‘остов жилища’, эвенк. *соона* и др.; 3) типы растительности: як. *чагда* ‘сосняк’, эвенк. *дьагда* ‘сосна’; як. *болбукта* ‘кустарный кедр’, эвенк. *болгикта* и др.; 4) названия видов рельефа: як. *дьааңы* ‘голец, голый утес, высокая каменистая гора с обнаженной вершиной’, эвенк. *йаң* ‘сопка-голец (с нетающим снегом на вершине)’; як. *хочо* ‘долина’, эвенк. *кочо* и др.; 5) животный мир, средства охоты и рыболовства: як. *кукаакы* ‘сойка-ронжа, кукша’, эвенк. *кукэки*; як. *кэтэ* ‘кета, рыба из лососей’, эвенк. *кета*; як. *бэри* ‘железный наконечник стрелы’, эвенк. *бэр* ‘лук’; як. *киибэс* ‘неводное или сетевое грузило, сделанное из рога или завернутой в бересту гальки’, эвенк. *кибэс*; як. *алаңа* ‘арбалет, самострел’, эвенк. *алаңаа*; як. *элгии* ‘острога’, эвенк. *элгуу* и др.; 6) наименования пищи и приборов: як. *ламба* ‘большая деревянная ложка, поварешка’, эвенк. *ламба*; як. *дьаакы* ‘сушеная на рожне и затем толченая рыба’, эвенк. *йааку* ‘вяленая рыба’ и др.; 7) наименования одежды: як. *аара* ‘зимние детские штаны’, эвен. *аара* ‘лоскут шкуры, закрывающий задний вырез детских штанов’; як. *хороо* ‘короткая летняя доха’, эвенк. *купэ* ‘одежда (меховая)’ и др.; 8) религиозно-культовая лексика: як. *сэбэки* ‘шаман’, эвенк. *сэвэкии* ‘бог’; як. *куму* ‘кафтан шамана’, эвенк. *куми*; як. *туру* ‘шаманское дерево’, эвенк. *туру* и др.; 9) слова отвлеченной семантики: як. *кырта* ‘лоск, блеск’, эвенк. *гелтан* ‘блестящий’ и др.

Обнаруживаются отдельные заимствования из эвенского языка, например: як. *нэлэки* ‘эвенский меховой расшитый нагрудник’, эвен. *нэлэкэн* ‘передник, нагрудник’; як. *хабдьы, хамдьы* ‘куропатка’, ‘перепел’, ср. *хабыйахан* ‘куропатка’; эвен. *кабдьа* эвен. *кабдьа* ‘куропатка’, ср. эвенк. *кавекаан* ‘куропатка’.

В некоторых случаях внешний облик и семантика якутского слова соотносятся с каким-либо из тунгусо-маньчжурских языков и не соответствует эвенкийскому. Иногда в якутско-тунгусо-маньчжурских параллелях отсутствует эвенкийское слово. В данном случае к числу эвенкийских заимствований в якутском языке некоторые слова можно отнести условно. Одной из версий объяснения этого явления может быть утрата эвенкийского этимона и сохранение формы, например: в як. *киргил* ‘черный дятел’, ма. *курэху* ‘дятел (черный, с красным гребнем)’, ороч. *кийоки*, уд. *киэхи*, ‘дятел’, ср. эвенк. *кирэктэ*; як. *сыба, сыбы* ‘плотно’, нан. *чип* ‘плотно’, ср. ма. *чибу-* ‘жаться, быть сжатым’, эвенк., нег., ороч., уд. *чипчи-* ‘набивать’, ‘притыкать’.

В области лексического параллелизма якутского и эвенкийского языков наблюдается картина почти буквального совпадения. Близкое родство исключается, так как в этих языках не совпадает, например, основной словарный фонд. Предпочтительнее говорить о заимствованиях из якутского в эвенкийском языке и наоборот.

На основе учета системы признаков в якутском языке и его говорах выделено значительное число эвенкизмов (более 600).

Фонетический облик эвенкизмов якутского языка свидетельствует о том, что эвенкизмы якутского языка не имеют значительных расхождений со своими эвенкийскими аналогами. Это свидетельствует о довольно позднем проникновении заимствований из эвенкийского языка в якутский. Для доказательства ранних якутско-эвенкийских языковых связей необходимо привести субституцию эвенкийских фонем в якутском, которая бы имела черты относительно древнего заимствования, например, падение начального согласного *с-*. Однако эвенкизмов якутского языка с падением начального согласного *с-* не обнаружено.

Для установления относительной хронологии языковых контактов якутов и эвенков необходимо учитывать не только собственно лингвистические данные, но и данные истории и генетики.

А.И. Гоголев датирует появление в Центральной Якутии кулун-атахской культуры якутов 14-15 веками (1370 г. н.э. +-50 лет) ²⁹.

Б.О. Долгих утверждает, что якуты в 17 веке локализовались в Центральной Якутии и находились в эвенкийском окружении ³⁰.

На наш взгляд, вывод о появлении якутской культуры в Якутии в 14-15 веках согласуется с генетическими данными. Согласно этим данным, якуты мигрировали в Якутию с юга.

И, по нашему мнению, прав А.М. Щербак, считающий, что языковые контакты якутов и эвенков начались в 14-15 веках ³¹, а не в раннем средневековье, до 13 века.

Часть II. «Влияние якутского языка на лексику эвенкийского».

В данной части рассматриваются признаки якутизмов эвенкийского языка, их фонетическое, морфологическое и лексическое освоение в эвенкийском языке.

В трудах наших предшественников указывается наличие якутских заимствований в эвенкийском языке. Однако при этом не разграничены факты языка и речи, не установлены признаки якутских заимствований эвенкийского языка. Данные положения существенны для изучения связей указанных языков. Иначе мы рискуем выдать факты двуязычия за факты языкового родства.

Во избежание смешения фактов речи и языка целесообразно изучение якутизмов в речи эвенков, не владеющих якутским разговорным языком.

На наш взгляд, этому требованию отвечает материал тех эвенкийских наречий и говоров, где отсутствует сплошное эвенкийско-якутское (долганское) двуязычие. В этой связи могут быть полностью исключены наречия и говоры эвенков Якутии, где обнаруживается массовое эвенкийско-якутское(долганское) двуязычие.

Изучение эвенкийско-якутской диглоссии в других регионах показало, что это явление распространено в речи эвенков старшего поколения в местах бывших интенсивных этнических контактов якутов и эвенков, например вдоль торговых путей Якутск - Харбин, Якутск – Аян (к востоку и югу от Якутии)

²⁹ Гоголев А.И. Якуты. Проблемы этногенеза и формирования культуры. – Якутск, 1993. – С. 61, 88.

³⁰ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960. – 620 с.

³¹ Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – СПб.: Наука, 1994. – С. 124

или в местах совместного проживания эвенков и якутов, например, с. Чиринда, с. Наканно и с. Эрбогочен (к западу и северо-западу от Якутии).

Последующие поколения эвенков уже не владеют якутским разговорным языком, но здесь обнаруживаются последствия эвенкийско-якутской диглоссии. В речи эвенков этой категории обнаруживаются заимствования из якутского языка.

В изучении якутизмов эвенкийского языка использованы авторские полевые материалы научных командировок в места проживания эвенков.

Глава 1 . «Признаки якутизмов эвенкийского языка».

В якутских заимствованиях мы устанавливаем следующую систему (комплекс) признаков - фонетический, этимолого-морфологический, лингвогеографический, культурно-исторический и избыточной синонимичности, которые воспроизводят последовательность операций, необходимых для установления факта заимствования.

Переходя к особенностям якутских заимствований, следует отметить, что они характеризуются стечениями согласных *nn*, *mm*, *чч* в основе; наличием *й* в ауслауте двусложных глагольных основ; продуктивными и непродуктивными аффиксами, выступающими в составе словоформ, ср. *-лаак*, *-чит*, *-с* и т.д. К числу заимствований относятся некоторые строительные термины, лексика животноводства. Заметим также, что якутизмы нередко выступают синонимами к исконным словам эвенкийского языка. Помимо этого, якутизмы характеризуются ограниченным распространением в языках, родственных эвенкийскому, они прослеживаются в говорах северного и восточного наречия заимствующего языка.

В лексике эвенкийского языка значительный пласт составляют монгольские заимствования. Представлена система признаков, включающая фонетические, морфологические, лингвогеографические, культурно-исторические особенности, которые свидетельствуют об опосредованном заимствовании монгольских слов. При этом необходимо принимать во внимание, что избыточная синонимичность не может быть аргументом при разграничении непосредственных и опосредованных заимствований.

Монголизмы, заимствованные благодаря посреднической роли якутского языка, выделяются наличием ряда фонетических особенностей. Так, здесь прослеживаются *т-*, *-т-* вместо *д-*, *-д-*; *дь-* - *й-*; *к-* - *г-*; *й* в ауслауте двусложных и трехсложных глагольных основ. О заимствовании через

якутский язык свидетельствуют также аффиксы, ср.: *-рий-* // *-рый-*. Важен учет лингвогеографического распределения слов.

Лингвогеографическая дистрибуция монголизмов в эвенкийском языке показывает, что непосредственные монгольские заимствования представлены не только в северном, южном и восточном наречии эвенкийского языка, но и в других тунгусо-маньчжурских языках, в то время как опосредованные якутские заимствования обнаруживаются, в большинстве своем, в говорах северного и восточного наречия.

Последнее обстоятельство позволяет утверждать, с той или иной долей вероятности, что монгольские слова обнаруживаемые в говорах северного и восточного наречия, но не имеющие соответствующих параллелей в южном наречии эвенкийского языка, а также в языках, родственных заимствующему (исключая западные говоры эвенского языка, носители которого владеют якутским языком), были, скорее всего, заимствованы из якутского языка.

Учитывая влияние якутского языка на формирование скотоводческой терминологии эвенкийского языка, к числу опосредованных заимствований относятся отдельные термины животноводства.

Анализ якутско-эвенкийских параллелей показал, что отдельные слова могут заимствоваться многократно. Так, монгольское слово *икирэ* ‘двойня, близнецы’ содержит компонент *ики*, легко отождествляемый с тюркским числительным *ики* ‘два’. Возможно, что *икир* ‘двойня’ проникло из языка типа чувашского в монгольские языки. В период интенсивного монгольского влияния на тюркские языки Сибири в средние века *икирэ* проникло в якутский язык, в котором выступает в виде *игирэ* ~ *игири* ~ *игириэ*. Из якутского оно было заимствовано носителями эвенкийского языка. Ср.: эвенк. *игирэ* ~ *игэрээ* ‘двойня’. Нередко обнаруживаются и такие слова, заимствованные из монгольских языков параллельно как тюркскими, так и тунгусо-маньчжурскими. Например, м.-п. *түргэн* ‘быстрый, скорый’ // т.-ма.: эвенк., эвен. *тургэн*, нег., ороч., уд., улч. **тургэн* id.; алт. *түрген*, тув. *дүрген*, як. *түргэн* id.

Мы устанавливаем также возможность параллельного проникновения монгольских слов в якутский и эвенкийский языки. Ср.: м.-п. *онгуча* ‘лодка’ // эвенк. *оңкочоо* ~ *омкочоо* ~ *оңочо* ‘лодка’; як. *оңочо* ~ *огочо* ‘лодка’; м.-п.

кэлэгэй ‘немой, косноязычный’ // як. кэлэгэй ‘заика’, эвенк. кэлэгэй ~ кэлэгэй ‘заика’.

Следует отметить, что баргузинский говор испытал сильное влияние монгольских языков, и поэтому в нем обнаруживаются целые гнезда монголизмов. Например: эвенк. (брг.) байан ‘богатый’ ← мо.: м.-п. байан id., ср.: др.-тюрк. бай id.; эвенк. (брг.) байады- ‘богатеть’ ← мо.: м.-п. байады- id.; ср.: др.-тюрк. байу- id.; эвенк. (брг.) байарка- ‘кичиться богатством’ ← мо.: м. баярха- id.; ср.: як. байаргаа- id.

Кроме опосредованных тюркских и монгольских заимствований, в словарном составе эвенкийского языка установлены и собственно якутизмы (тюркские слова), принадлежность которых ранее не всегда определялась. Например, як. бурдук ‘мука’, ‘хлеб (зерно)’, ‘ячмень’; тур. диал. буртук ‘зерно’. Данное слово имеет общетюркское бытование. В якутском языке оно выступает с гласными твердого ряда. Здесь необходимо иметь в виду, что переход твердорядных слов в мягкорядные является наиболее распространенным, обратный же процесс, т. е. переход мягкорядных гласных в твердорядные, встречается значительно реже. Очевидно, в данном случае в якутском языке сохранилась архаичная словоформа с гласными твердого ряда. В тунгусо-маньчжурских языках слово бурдук известно только языкам северной группы: эвенкийскому, эвенскому и негидальскому. Лингвогеографическая локализация указывает на связь с якутским языком. Что же касается эвенк. бурдука с конечным гласным, то наличие в нем дополнительного гласного - явление вполне обычное, когда речь идет о заимствованиях из якутского, ср.: эвенк. биттэни- ‘предчувствовать’ ← як. биттэн-, ср.: як. бит ~ бут ‘знак, примета’.

Таким образом, установленные разные признаки, а также сам принцип комплексного анализа заимствований на их основе позволяют более точно установить пути проникновения отдельных лексем в эвенкийский язык.

В главе 2 «Лексические якутизмы эвенкийского языка» рассматриваются вопросы адаптации якутизмов в системе эвенкийского языка.

Якутизмы эвенкийского языка подвергаются фонетической адаптации.

Так, якутским гласным а) в односложном слове, б) в первом и в) в непервых слогах многосложного слова соответствуют, как правило, следующие эвенкийские гласные:

эвенк.	якут.		
	а)	б)	в)
<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
<i>aa</i>	<i>aa</i>	<i>aa</i>	<i>aa</i>
<i>e</i>	<i>ыa, иэ</i>	<i>ыa, иэ</i>	<i>ыa, иэ</i>
<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>
<i>oo</i>	<i>yo</i>	<i>yo, yø</i>	<i>oo, yo, yø, øø</i>
<i>э</i>	<i>э</i>	<i>э</i>	<i>э</i>
<i>ээ</i>	-	<i>ээ</i>	<i>ээ</i>
<i>и</i>	<i>и, ы</i>	<i>и, ы</i>	<i>и, ы</i>
<i>ии</i>	<i>ии, ыы</i>	<i>ии, ыы</i>	<i>ии, ыы</i>
<i>y</i>	<i>y</i>	<i>y, ỵ, ø</i>	<i>y, ỵ, ø</i>
<i>yy</i>	<i>yy, ỵỵ</i>	<i>yy, ỵỵ</i>	<i>yy, ỵỵ</i>

Наблюдаются лишь эпизодические расхождения в передаче якутских гласных, обусловленные влиянием комбинаторных и позиционных факторов и действием закона гармонии гласных эвенкийского языка. Среди комбинаторных факторов следует выделить влияние губно-губных *б, в*. Что касается позиционных факторов, то выделяются безударная позиция в первом слоге двусложных слов при отсутствии стечения согласных, и безударная позиция в непервых слогах, имеющих стечение согласных. Примечательно, что в ряде заимствованных односложных слов сохраняются первичные долгие якутского языка.

Якутским согласным обычно соответствуют а) в анлауте, б) в середине слова, в) в ауслауте следующие эвенкийские согласные:

эвенк.	якут.		
	а)	б)	в)
<i>n</i>			<i>-n</i>
<i>б</i>	<i>б-</i>	<i>-Сб-</i>	
<i>в</i>		<i>-б-</i>	
<i>м</i>	<i>м-</i>	<i>-м-, -См-, -мС-</i>	<i>-м</i>
<i>т</i>	<i>т-</i>	<i>-т-, -Ст-, -тС-</i>	
<i>д</i>	<i>д-</i>	<i>-д-, -Сд-</i>	
<i>с</i>	<i>с-</i>	<i>-сС-, -Сс-</i>	<i>-с</i>
<i>н</i>	<i>н-</i>	<i>-н-, -Сн-, -нС-</i>	<i>-н</i>

ЭВЕНК.	ЯКУТ.		
	а)	б)	в)
л	л-	-л-, -лС-, -Сл-	-л
р		-р-, -рС-	-р
дь	дь-	-дь-, -Сдь-	
ч	ч-	-ч-, -Сч-	
нь	нь-	-Снь-, -й-	
й		-й-, -йС-	-й
к	к-	-к-, -Ск-	-к
с		-с-, -Сс-, -Сс-	
(с)		(-с-)	
h	h-	-h-	
ң		-ң-	-ң

Нетипичные для эвенкийского языка якутские геминаты *-тт-*, *-чч-* изредка выступают без изменений. В ряде случаев *-тт-* реализуется в виде *-кт*, *-т*; *-чч-* - *-тч-*, *-ч-*. Что же касается *-пп-*, то эта гемината не подвергается изменениям. Эпизодически якутский *ннь* соответствует эвенкийскому *нь*. Другие геминаты (*-кк-*, *-лл-*, *-нн-*, *-ннь-*) не обнаруживают заметных расхождений с согласными языка-источника. В небольшой группе заимствованных слов *с* (в анлауте) выступает в виде *h*, *б-* - *п-*, *-пС-* - *-вС-*, *-б-* - *-б-*, *-Сс-* - *-Ск-*, *х-* - *h-*, *-рС-* - *-лС-*, *-с-* - *-с-*, *-h-* - *-с-*.

Необходимо отметить, что развитие аффрикат *дь*, *ч* в якутском языке связано с монгольскими языками. Указанные особенности сохраняются в якутизмах эвенкийского языка. Монгольский анлаутный *с* сохраняется в опосредованных заимствованиях, в то время как тюркский **с* в якутизмах не прослеживается.

Якутизмы эвенкийского языка подвергаются морфологическому и семантическому освоению.

Подавляющее большинство якутских заимствований вошло в эвенкийский язык в морфологически неизменном виде. При этом якутизмы сохраняют словообразовательную структуру и состав морфем, характерные для языка-источника, заимствования. Что касается заимствующего языка, то в нем происходят некоторые структурные изменения. Так, аффиксы языка-источника сливаются с основой и производные слова выступают как непроемные. Например, в именных словоформах *баардаах* 'имеющий в

мыслях что-л. худое’, *барылаах* ‘имеющий все’, ‘эпитет лесного духа “Байанай”’, *киңнээх* ‘вспыльчивый’, *күүстээх* ‘сильный’ в якутском языке отчетливо различаются производящая основа *баар* ‘есть, имеется’, *бары* ‘все’, *киң* ‘характер’, *күүс* ‘сила’ и аффикс *-лаах* с его фонетическими вариантами *-даах*, *-наах*, *-таах*. В эвенкийском языке соответствующие слова *баардаак* ‘вспыльчивый’, *барелаак* ‘амулет охотника’, *киңнээк* ‘вспыльчивый’, *куустаак* ‘сильный’ воспринимаются как непроеизводные.

В ряде случаев якутские заимствования вовлекаются в процессы морфологического освоения. Так, носители эвенкийского языка усвоили як. *сэрэх* ‘осторожный’ в виде *сэрэк* ‘осторожный’, як. *атырдьах* ‘вилы’ в виде *атирдьак* ‘вилы’, як. *чөмчөх* ‘кучка’ в виде *чумчук* ‘кучка’, а якутский *х* в ауслауте – как эвенкийский аффикс отглагольного образования имен *-к*, ср.: эвенк. *буму-* ‘болеть’ // *бумук* ‘болезнь’; затем подкрепили такую интерпретацию, образовав новые формы: эвенк. *сэрээ-* ‘остерегаться’, *атирдаа-* ‘убирать сено’, *чумчээ-* ‘собирать в кучу’. Примечательно, что в языке-источнике такие глаголы отсутствуют.

Анализ якутских заимствований эвенкийского языка показал, что большинство якутизмов распределяется по частям речи без существенных расхождений с языком-источником. Среди заимствований есть существительные, прилагательные, глаголы, наречия, междометия и союзы. Однако для части заимствований характерен переход из одного грамматического класса в другой.

Якутизмы вошли в говоры эвенкийского языка в морфологически неизменном виде, и понятно, что на почве эвенкийского языка их морфологический состав не поддается объяснению. От якутских основ в эвенкийском языке могут образовываться новые словоформы. Особо следует подчеркнуть факт наличия в эвенкийском языке значительного количества заимствованных глаголов, ставящий под сомнение точку зрения, согласно которой, глаголы относятся к непроницаемой или почти непроницаемой сфере языка.

Переходя к вопросу семантического освоения якутских слов носителями восточного наречия эвенкийского языка, отметим, что большинство их выступает как правило, в одном, основном значении, т. е. их семантический объем сужается. Сохранение при заимствовании переносного значения слов является редким исключением. Также редко наблюдаются расширение

семантического объема и появление новых значений. В небольших размерах влияние якутского языка оказывается на изменении семантики и собственно эвенкийских слов.

Якутизмы входят составной частью в различные пласты лексики эвенкийского языка. Среди них - наименования природных явлений, ландшафта, названия частей тела человека и животных, слова, обозначающие различные признаки живых существ и предметов окружающей действительности. Носителями эвенкийского языка заимствовались глаголы движения, активного действия, состояния, мышления и речи, образные глаголы.

В эвенкийском языке якутизмы представляют вкрапления в различных пластах лексики.

Так, среди заимствованных имен существительных выделяются следующие тематические группы: 1) наименования природных явлений, ландшафта, металлов, веществ: *атактаак* 'Большая Медведица', *кидьимак* 'нагромождение льда', *кираһа* 'пороша', *колорук* 'смерч', *кураан* 'засуха', *салгин* 'воздух', *сэрун* 'прохлада', *ариш* 'протока', 'остров' и др.; 2) наименования, относящиеся к животному и растительному миру: *тэллэй* 'гриб', *комордоос* 'жук', *сордоң* 'щука', *искэк* 'икра', *куртуйак* 'тетерев', *киис* 'соболь' и др.; 3) наименования частей тела человека и животных: *булчаркай* 'железа', *билчиң* 'мускул', *кабак* 'мочевой пузырь', *каһа* 'брюшной жир (лошади)', *коомай* 'горло', *кутурук* 'хвост' и др.; 4) слова, обозначающие чувства, ощущения, биологические состояния живых существ, болезни: *киһии* 'досада', *кунуу* 'зависть', *игирэ* 'близнецы, двойня', *ньирай* 'новорожденный', *баралиис* 'паралич' и др.; 5) термины родства: *аймак* 'родня', *биллэк* 'деверь', *катун* 'жена старшего брата', *киниит* 'невестка', *кинни* 'тесть', *кодогой* 'родители невесты', *кутээт* 'зять', *кэргэн* 'семья', *саңас* 'свекровь', *эвэ* 'бабушка', *эдьэй* 'тетя', *эһэ* 'дедушка'; 6) слова, обозначающие религиозные воззрения: *авааһи* 'черт', *агавут* 'священник', *аптаак* 'колдун', *барелаак* 'амулет охотника', *иччи* 'дух-хозяин местности', *каргис* 'злой дух', *сурэк* 'крест', *таңара* 'бог'; 7) слова, относящиеся к хозяйственной и промысловой деятельности: *арги* 'веревка, палка для сушки обуви (в палатке)', *кимньи* 'плеть', *кугу* 'крюк', *кулу* 'перекладина над костром', *курдьэк* 'лопата' и др.; 8) термины оленеводства, средств передвижения, упряжи: *адарай* 'настил на нартах', *баттик* 'верхние продольные скрепы у нарты', *бугуй* 'неспокойный

(об олене), *бэретчит* 'передовой (об олене в упряжи)', *им* 'метка на ухе оленя', *итик* 'табуированный олень' и др.; 9) слова, обозначающие одежду и ее части: *арбагас* 'старая зимняя парка', *байбара* 'рюши', *бетэс* 'подкладка', *билат* 'шаль, платок', *кеп* 'выкройка', *кивитии* 'кант', *сага* 'воротник', *сазанньак* 'доха', *сеп* 'карман', *тарбак* 'перчатки' и др.; 10) наименования продуктов питания: *аһитии* 'тесто (поднявшееся)', *ари* 'масло', *бурдук* 'мука', *каньяк* 'сливки с молоком', *кирбас* 'кусочек мяса', *коорчак* 'взбитые сливки', *соогуй* 'сметана', *туус* 'соль' и др.; 11) общественно-политическая терминология: *кайии* 'тюрьма', *камнас* 'зарплата', *карчи* 'деньги', *мунньак* 'собрание', *оорэк* 'учеба', *сэрии* 'война', *ирактаги* 'царь'; 12) слова, связанные с оценочной характеристикой человека: *албун* 'лгун', *булчут* 'удачливый охотник', *киһиргэс* 'хвостун', *уус* 'мастер', *эрдэһит* 'тот, кто рано встает', *эрэйдээк* 'мученик', *ковотчу* 'сплетник'; 13) слова отвлеченной семантики: *бистак* 'отрезок', *бэлэк* 'подарок', *ийак* 'судьба', *куңул* 'свобода' и т. д.

Заимствованные прилагательные подразделяются на две группы: 1) прилагательные, выражающие внешние признаки предметов: *аһагас* 'открытый', *билирги* 'давнишний', 'прежний', *бутаркай* 'мелкий', *будуң* 'крупный', *бутун* 'целый', *койуу* 'густой', *ираас* 'чистый', *каптагай* 'плоский', *кира* 'маленький'. К этой же группе относятся прилагательные, обозначающие цвет: *ала* 'пестрый', *бороң* 'серый', *кэрэмэс* 'чернобурый (о масти лисицы)'; 2) прилагательные, выражающие внутренние и внешние признаки живых существ: *авалаак* 'досадный', *дьудэк* 'худой', *дьоллоок* 'счастливый', *иңсэлээк* 'жадный', *киңнаак* 'нервный', *киһалгалаак* 'нуждающийся', *киһилаак* 'досадный', *колоочук* 'полупьяный', *кэргэннээк* 'семейный', *коңсоо* 'гнусявый', *корсун* 'удалой, храбрый'.

Заимствованные глаголы группируются следующим образом: 1) глаголы движения: *кэрий-* 'обходить', *куйаар-* 'скитаться, бродяжничать', *тугуруй-* 'обходить кругом', *тэмтэрий-* 'спотыкаться'; 2) глаголы действия, направленные на какой-либо объект: *авраа-* 'спасать', *аймаа-* 'тревожить, пугать'; *анаа-* 'назначать'; *атагастаа-* 'обижать'; *балий-* 'обманывать', *болдьоо-* 'назначать время и место'; *боорсаа-* 'поражать, убивать медведя', *бултаа-* 'охотиться' и др.; 3) глаголы состояния: *бай-* 'богатеть'; *бат-* 'вмещаться', *дыадай-* 'беднеть'; *едэй-* 'мучиться', *иксаа-* 'находиться в затруднительном положении', *иир-* 'сходить с ума' и др.; 4) глаголы мышления, речи: *уйдээ-* 'понимать'; *лаксий-* 'суесловить'; *лавай-* 'говорить одно и то же';

ковлоо- ‘сплетничать’; муккус- ‘спорить’; сэхэрге- ‘рассказывать’; 5) образные глаголы: арбай- ‘растрепываться (о волосах)’; билчай- ‘выпучивать (глаза)’; сэрбэй- ‘распушиться (о кустах)’.

Наиболее сильное влияние было оказано на так называемую периферическую лексику, однако немало и заимствований, относимых к условно выделяемому основному словарному фонду. Правда, эти слова употребляются наряду с собственными эвенкийскими лексемами.

Заимствование якутских слов обусловлено рядом обстоятельств: потребностью в обозначении ранее неизвестных реалий; необходимостью замены слов, утративших особую стилистическую окрашенность; формированием новых грамматических слов; табуированием ряда собственных слов.

Говоря о путях проникновения якутизмов в исследуемые говоры, заметим, что заимствование осуществляется устным путем в процессе якутско-эвенкийского двуязычия у эвенков старшего поколения, но оно оказывает влияние и на речь эвенков последующих поколений, которые употребляют якутизмы, не зная разговорного якутского языка.

Отдельные якутизмы обнаруживаются также в восточном наречии эвенского языка, например: як. *бурдук* ‘мука’, эвен. *бурдук*; як. *сүгэһэр* ‘носилки’, эвен. *сугусэр*.

Эвенкийский язык, возможно, был проводником в проникновении якутизмов в другие современные тунгусо-маньчжурские языки, например орокский, примеры: як. *соттор* ‘полотенце’, эвенк. *соттор*, орок. *соттори*; як. *киһиргээ*- ‘хвастаться’, эвенк. *киһирге*-, орок. *кисиргээ*-.

В условиях отсутствия двуязычия происходит постепенное “вытеснение” якутских заимствований эвенкийскими словами.

Ранее отмечалось, что предки современных якутов начали проникать на территорию Якутию в 14 в.

Согласно А.Н. Алексееву, в научной среде нет единого мнения о времени проникновения в Якутию предков современных эвенков. Так, одни считают возможным проникновение предков эвенков в Якутию в середине – второй половине I тысячелетия н.э., другие – в 14 веке; при этом автор отмечает, что ко времени формирования якутской народности на средней Лене тунгусы-

оленоводы успели освоить приленскую тайгу ³².

Якутские слова были заимствованы эвенками после 14 века. Якутизмы в самом эвенкийском языке распределены неравномерно. Значительное число прямых якутских заимствований обнаруживается в восточном и северном наречии эвенкийского языка. В южное наречие эвенкийского языка якутизмы проникают при посреднической роли северного наречия. Необходимо принимать во внимание, что якутские заимствования отсутствуют в баргузинском говоре восточного наречия эвенкийского языка. Фонетический облик якутизмов эвенкийского языка соответствует современному состоянию якутского языка. Все эти обстоятельства учтенные в совокупности свидетельствуют о том, что время проникновения якутских заимствований в эвенкийский язык не имеет глубокой истории и связано с распространением якутов из центральной Якутии после 14 века и их контактами с эвенками.

В заключении подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы.

Алтайские языки имеют много сходств, но, несмотря на это, их родство остается недоказанным: причиной возникновения своеобразной языковой общности является конвергенция.

Данное исследование проводилось с использованием данных сотрудничества лингвистов и генетиков.

Генетический анализ якутов показал, что они мигрировали в Якутию с юга.

На основе данных языкознания и генетики обосновывается вывод о том, что происхождение и формирование якутского языка и культуры не связаны с распространением тюркского языка и культуры в среде генетических эвенков. Иными словами, не подтверждается точка зрения некоторых ученых о том, что формирование якутов и их языка произошло вследствие действия эвенкийского субстрата.

Анализ якутско-эвенкийских языковых контактов показал, что влияние эвенкийского языка на якутский обнаруживается во всех ярусах языка: фонетика, морфология, лексика. Влияние якутского языка на эвенкийский характеризуется, в основном, прямым воздействием на лексику восточного

³² Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. – Новосибирск: изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. – С. 41, 43.

и северного наречий эвенкийского языка. В южное наречие эвенкийского языка якутизмы проникают при посреднической роли северного наречия.

Анализ якутско-эвенкийских языковых связей в фонетике показал, что влияние эвенкийского языка на якутский вокализм, по-видимому, не прослеживается.

Эвенкийское языковое влияние на систему якутских согласных обнаруживается в увеличении использования слов с начальными аффрикатами *ч, дь*, начальными звонкими согласными *д, нь, м*, которые не были чужды фонетике якутского языка домонгольского влияния. Также эвенкийское языковое влияние прослеживается в увеличении использования слов с начальными согласными *л-, н-*, которые развились после монгольского языкового влияния в средние века. Например, данная категория слов увеличила фонологическую ёмкость назальности/неназальности в начале слова в якутском языке.

Анализ якутско-эвенкийских связей в морфологии выявил глубокое их отличие от якутско-монгольских связей.

Специфика якутско-эвенкийских связей состоит в том, что якутская морфология подверглась в значительно меньшей мере влиянию со стороны эвенкийской морфологии. Если монгольские заимствованные аффиксы представлены в якутском языке значительным количеством (охватывают именную и глагольную системы), то аффиксы эвенкийского происхождения – единичные явления. Если монгольские аффиксы оставили глубокий след в якутской морфологии, т.е. активно представлены в якутском словообразовании, то эвенкийские аффиксы, за редким исключением, в своем подавляющем большинстве обнаруживаются лишь в составе словоформ.

Эвенкийское влияние обнаруживается больше в именной системе (заимствованы словообразовательные аффиксы), чем в глагольной (заимствование отдельных глаголов).

Данные факты говорят о том, что якуты не имели столь значительных контактов с эвенками, как с монголоязычными народами. Этот вывод противоречит широко распространенному взгляду Е.И. Убрятовой о продолжительном и тесном сосуществовании якутов и эвенков в период, когда якутский язык начинал только формироваться со всеми своими фонетическими и морфологическими особенностями. На мой взгляд, контакты якутов и эвенков, по-видимому, начались после того, как якутский

язык уже сложился со всеми его фонетическими и морфологическими особенностями, т.е. после формирования собственно якутской культуры.

В пользу данного вывода свидетельствуют отсутствие прямых аффиксальных соответствий тюркских и тунгусо-маньчжурских языков, а также фонетический облик самих заимствованных эвенкийских аффиксов в якутском языке.

В области лексического параллелизма якутского и эвенкийского языков наблюдается картина почти буквального совпадения. Близкое родство исключается, так как в этих языках не совпадает, например, основной словарный фонд. Предпочтительнее говорить о заимствованиях из якутского в эвенкийский и наоборот.

На основе учета комплекса признаков в якутском языке и его говорах выделено значительное число эвенкизмов (более 600).

Фонетический облик эвенкизмов якутского языка свидетельствует о том, что они не имеют значительных расхождений со своими эвенкийскими аналогами. Это свидетельствует о довольно позднем проникновении (в 14 веке) заимствований из эвенкийского языка в якутский. Для доказательства якутско-эвенкийских языковых связей до 14 века необходимо выявить субституцию эвенкийских фонем в якутском, которая бы имела также черты относительно древнего заимствования, как например, падение начального согласного *с-. Однако эвенкизмов с такой особенностью не обнаружено.

Эвенкизмы якутского языка, кроме фонетического освоения, подверглись морфологической и лексической адаптации и представлены в виде вкраплений в различных тематических группах. Примечательно обнаружение эвенкизмов в основном словарном фонде якутского языка, что свидетельствует о якутско-эвенкийском двуязычии якутов в прошлом.

Изучение эвенкизмов показало, что они заимствовались в якутский язык в период, когда якуты жили довольно компактной массой в Центральной Якутии, после их переселения с юга, в 14 веке. Данный тип эвенкизмов характерен для всего якутского языка.

Выявляются также эвенкизмы, проникшие в отдельные говоры якутского языка в ходе расселения якутов в период после 17 века, после вхождения Якутии в состав России.

В нашей работе также предпринята попытка исследовать влияние якутского языка на словарный состав говоров эвенкийского языка в условиях отсутствия двуязычия.

На основе использования последовательно учитываемых признаков выделено более 600 якутизмов, проникновение которых в эвенкийский язык началось, по-видимому, со времени прихода предков якутов в места их нынешнего расселения, то есть на ту территорию, которая занималась эвенками. Пространственный фактор сыграл важную роль в интенсификации процесса заимствования. Расширению и углублению процесса способствовала типологическая близость якутского и эвенкийского языков: ограничения на заимствование в языках агглютинативного строя гораздо менее жесткие, чем при взаимодействии агглютинативных и флективных языков (ср. заимствование глаголов).

Важным итогом исследования явились определение влияния якутского языка на звуковой строй эвенкийского языка, выявление путей семантического освоения заимствований и их внедрения в иноязычную морфологическую систему.

Таким образом, якутско-эвенкийские языковые взаимосвязи происходят на базе адстрата, а не на базе эвенкийского субстрата в якутском языке.

Полученные результаты являются предпосылкой широкомасштабного сравнительного изучения якутского языка до монгольского влияния в средние века.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Монографии:

1. Якутизмы эвенкийского языка. – Якутск: SMYK-Master, 2008. – 104 с.
2. Якутско-эвенкийские языковые контакты. – Якутск: SMYK-Master, 2009. – 248 с.

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК:

1. Фонетические признаки эвено-эвенкизмов якутского языка // Наука и образование. – 2001. – №2. – С. 78-81.
2. О якутизмах северного наречия эвенкийского языка // Наука и образование. – 2003. – №2. – С. 90-94 стр.
3. О якутизмах южного наречия эвенкийского языка // Горный информационно-аналитический бюллетень. Региональное приложение «Якутия». – 2005. – № 1. – С. 184-188.
4. О якутизмах арктического ареала эвенского языка // Горный информационно-аналитический бюллетень. Региональное приложение «Якутия». – 2005. – №2. – С. 298-302.

5. О субституции начального согласного h в эвенкизмах якутского языка // Горный информационно-аналитический бюллетень. Региональное приложение «Якутия». – 2005. – № 2. – С. 288-297.

6. Pakendorf, B.; Novgorodov, I.N.; Osakovskij, V.L.; Danilova, A.P.; Protod'jakonov, A.P.; Stoneking, M. (2006): Investigating the effects of prehistoric migrations in Siberia: genetic variation and the origins of Yakuts. Human Genetics. 120: 334-353.)

7. Pakendorf, B.; Novgorodov, I.N.; Osakovskij, V.L.; Stoneking, M. (2007): Mating patterns amongst Siberian reindeer herders: inferences from mtDNA and Y-chromosomal analyses. American Journal of Physical Anthropology 133: 1013-1027

8. О гипотезе языковых контактов якутов и эвенков в раннем средневековье в связи с этнонимом саха (якут) // Восток (Oriens). – 2009. – № 2. – С. 105-107.

9. О гипотезе языкового сдвига у эвенков при формировании якутского языка // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2009. – № 1. – С. 98-104.

Статьи в зарубежных изданиях:

10. Northern Altaic Languages // Encyclopedia of the Arctic. New York, London: Routledge Taylor and Francis Group, 2005. P. 1479-1480.

11. Pakendorf B., Novgorodov I. Loanwords in Sakha (Yakut), a Turkic language of Siberia // Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook. Haspelmath, Martin & Tadmor, Uri (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 496-524.

Статьи в различных изданиях:

12. Якутизмы в восточных диалектах эвенкийского языка // Языки народностей Севера: грамматика, диалектология. – Якутск: изд-во ЯНЦ СО РАН, 1989. – С. 88-93.

13. Монгольские и якутские лексические элементы в эвенкийском языке // Лингвистические исследования. Структура языка и его эволюция. – Москва: Наука, 1989. – С. 174-178.

14. Монгольско-эвенкийские лексические параллели в восточных говорах эвенкийского языка // Владимирцовские чтения. Тезисы докладов. – Москва: Наука, 1989. – С. 116-117.

15. Критерии выделения якутизмов в говорах восточного наречия эвенкийского языка // Восьмая конференция молодых ученых. Тезисы докладов. – Ленинград, 1990. – С. 75-77.

16. Якутские заимствования в лексике говоров восточного наречия эвенкийского языка // Всесоюзная научно-практическая конференция «русский язык и языки народов Крайнего Севера. Проблемы описания контактных явлений». Тезисы докладов. – Ленинград, 1991. – С. 82-83.
17. Отношение монголо-тунгусо-маньчжурских параллелей к словарному составу якутского языка (аспекты изучения) // «Внемлите моим заветным словам, друзья прекрасные мои...». Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.А. Новгородова. – Якутск: изд-во ЯНЦ СО РАН, 1992. – С. 74-77.
18. Фомин М.М., Новгородов И.Н. Комплексный подход к проблеме слов «неизвестного» происхождения // Языки, культура и будущее народов Арктики. Тезисы докладов международной конференции. Якутск: Полиграф, 1993. – С. 23-24.
19. Тунгусо-маньчжурское влияние на диалектные зоны языка саха // Якутский язык. Диалектология. – Новосибирск: Наука, 1998 г. стр. 57-68.
20. Спиридону Алексеевичу Иванову – 70 лет // Наука и образование. – 1998. – №2. – С. 130-131.
21. Об относительной хронологии якутского языка с точки зрения его дифференциальных признаков // Г.В. Ксенофонов: Возвращение к себе. – Москва: Айыына, 1998. С. 105-112.
22. К вопросу сравнительного изучения якутского языка // Россия и Польша: историко-культурные контакты (сибирский феномен). Тезисы докладов международной научной конференции. – Якутск, 1999. – С. 53.
23. К вопросу сравнительного изучения якутского языка // Россия и Польша: историко-культурные контакты (сибирский феномен). – Новосибирск: Наука, 2001. – С. 167-173.
24. К вопросу тюркско-тунгусо-маньчжурских глагольных параллелей // Тюркские и северные языки – Якутск: изд-во ЯФ СО РАН, 2002. – С. 213-218.
25. К вопросу о характере тюркско-тунгусо-маньчжурских языковых связей // С.А. Новгородов и новое в якутском языкознании. – Якутск: изд-во ЯФ СО РАН, 2003. – С. 146-168.
26. Признаки тунгусо-маньчжуризмов якутского языка // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Веры Ивановны Цинциус (13-14 октября 2003 г.). – Санкт-Петербург: Наука, 2003. – С. 141-151.

27. О характере тюркско-тунгусо-маньчжурских языковых связей (тезисы доклада) // Материалы конференции, посвященной различным вопросам тюркологии в рамках программы «Год Казахстана в России» (4-5 ноября 2003 г.). – Санкт-Петербург: Наука, 2003. С. 19-20.

28. О.Н. Бетлингк и алтайская проблема // О.Н. Бетлингк и тюркское языкознание. – Якутск: изд-во ЯНЦ СО РАН, 2005. – С. 34-38.

29. Щербак А.М., Новгородов И.Н. 125 лет со дня рождения С.Е. Малова, члена-корреспондента АН СССР, языковеда // Якутия 2005: календарь знаменательных и памятных дат РС (Я). Якутск: изд-во Бичик, 2004. – С. 19-21.

30. Некоторые аспекты сравнительного изучения якутского языка // Межкультурное взаимодействие в Сибири: историко-этнографические, лингвистические, литературоведческие аспекты: материалы Международной научной конференции «Польша в истории и культуре народов Сибири», посвященная 150-летию со дня рождения Э.К. Пекарского и В.Л. Серошевского (г. Якутск, 5 ноября 2008 г.). – Якутск: изд-во ЯНЦ СО РАН, 2009. – С. 256-266.

Новгородов Иннокентий Николаевич

Якутско-эвенкийские языковые взаимосвязи

В диссертации представлен опыт применения междисциплинарного лингвогенетического подхода к исследованию якутско-эвенкийского языкового взаимодействия. Исследование показало, что предки якутов и эвенков имеют различное генетическое происхождение. Отсюда делается вывод о том, что различным является и происхождение их материальной и духовной культуры, в том числе и языков. Наличествующие сходства в языке этих народов имеют контактное происхождение, причем в якутском языке отсутствует эвенкийский субстрат. Языковые контакты якутов и эвенков начинаются после XIV века на территории современной Якутии. Влияние эвенкийского языка обнаруживается в фонетике, морфологии и лексике якутского. Влияние якутского языка прослеживается в лексике эвенкийского.

Ключевые слова: якуты, эвенки, генетика, Y хромосома, гаплогруппа, язык, отсутствие субстрата, контакты, фонетика, морфология, лексика, относительная хронология.

Novgorodov Innokentiy Nikolajevich

Yakut-Evenki language relations

Evenki substratum hypothesis in forming of the Yakut language is discussed by E.I. Ubrjatova and others. This supposition is verified using a genetic analysis of Yakut and Evenk men Y chromosome. Y chromosome data were collected by author of these lines in Central Yakutia, Evenk national district (Stony Tunguska river region) and Tuva. Y chromosome data were analyzed and published by scientists of Max Plank Institute for Evolutionary Anthropology (Germany). The genetic analysis shows that Yakut and Evenk men have different types of haplogroups. Majority of Yakut men have N haplogroup (N3) and Evenks ones – C (M86) haplogroup. Judging from these data, I and my colleagues come to conclusion that there is no shift of Evenks in forming of the Yakut language and Yakuts migrated to Yakutia from the south regions. One cannot find early medieval contact traces between the Yakut and Evenki languages. From here it is possible to conclude, that contacts between Yakuts and Evenks begin after the 14th century in Yakutia. One can find the Evenki language influence on Yakut phonetics, accidence and vocabulary. While the Yakut language influence is traced on the Evenki language vocabulary.

Key words: Yakuts, Evenks, genetics, Y chromosome, haplogroup, language, absence of substratum, contacts, phonetics, accidence, vocabulary, relative chronology.